

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР: ЛИЦОМ К ПРОБЛЕМЕ

Для всего народа

Идея пригласить Евгения Евгеньевича Нестеренко к обсуждению проблем музыкального театра — «повестке дня» предстоящего очередного пленума правления СГД СССР возникла еще в конце прошлого сезона, после его серьезного, обстоятельного выступления на открытом народном собрании оперной группы Большого театра. Как выяснилось, планы редакции совпали и с желаниями самого артиста, охотно откликнувшегося на это предложение.

— Евгений Евгеньевич, ГАБТ СССР — главный музыкальный театр страны, и на него, естественно, опираются все другие коллективы. Что на трудности переживает сейчас Большой театр, как он будет справляться с ними, какой покажет пример? — эти вопросы, конечно же, прозвучат на пленуме. Тем более, что не так давно мы «вдруг» обнаружили у Большого театра большие проблемы, его благополучие, по норм представлявшееся несомненным, оказалось «неблагополучным». А необходимости серьезной перестройки в деятельности коллектива говорилось все чаще и требовательнее. Действительно ли она неслучась в театре, пришедшая ли уже реальная, осязаемая помощь?

— Большой театр есть Большой театр, во все времена в нем были собраны самые лучшие силы, и, надеюсь, он никогда не оскудеет талантами. И все же для того, чтобы нашим музыкальным театрам не пришлось «стаиваться» на него, чтобы Большой всегда был впереди, «задавал тон», нужны серьезные перемены в нашей работе. И они уже начались, положительные сдвиги есть, но требуется от театра молниеносных результатов перестройки, на мой взгляд, было бы неосмотрительно. Большой театр — огромный и сложный организм. Мне он представляется как бы моделью всей нашей страны. Многие беды Большого порождены теми проблемами, которые общин-

но существуют в нашем обществе. Найти их пути театра, независимо от того, что происходит вонне, за его стенами, мы не можем.

Конечно, целью все сводить на объективные трудности. Мы создаем очень поставленное театральное дело, славные традиции, создававшиеся поколениями наших предшественников, да и сами понимаем лучшие времена, которые, кавалось, были совсем недавно. Имея такой кладезь сокровищ, трех жаловаться. Опять же есть ряд оперных театров, например «Эстония», Пермский, Свердловский, провалившие, несмотря на то, что также несут на себе бремя годов зasto, завидные жизнестойкость и жизнеспособность.

Как забываются, постепенно разваливаются мизансцены в спектакле, за которым не следит хозяйский режиссерский глаз, так и театр «разбалтывается», теряет связь между всеми своими компонентами, если его не «держит» крепкая рука творческого лидера, художественного руководителя. Большой театр, к сожалению, слишком долго находился в таком положении. Я лично большие надежды связываю с назначением на пост главного дирижера и художественного руководителя театра А. И. Лааварса. Всего год он на этом посту, а сделало уже немало. Но, конечно, любой руководитель потерпит финансово, если останется инертным к своим коллективам. Нельзя увлечь за собой тех, кто желает улететь вперед.

— Вы говорите о переменах, происходящих в Большом театре. В чем конкретно они выражаются?

— Самое главное — была создана новая структура творческого управления театром. При генеральном директоре ГАБТА и КДСС утверждена художественная коллегия, предлагающая которой является главный дирижер. В ее функции входит руководство всей творческой деятельностью театра. В свою очередь, в каждой коллективе — опера, балет, оркестр, хор, мимансе — избран художественный совет. На своем анонимном единствителюванию пришла новая структура творческого руководства, обеспечивающая широкую демократию и гласность в сочетании с личной ответственностью каждого председателя, каждого члена художества за все происходящее на его «участке» и художественной коллегии за все происходящее в театре в целом. У людей наконец всколых-

нулся интерес к нормальной, полноценной работе. Самый свежий пример — начавшийся репетиции оперы-балета «Милда» П. Римского-Корсакова. Уже на первой репетиции, что все участники в постановке артисты за время летнего отпуска выучили свои партии и прямо-таки горели нетерпением скорее выйти на сцену.

В конце прошлого сезона мы провели переизбрание в коллективе оперы, в результате которого практически единогласно не был утвержден ряд артистов. Еще года два назад подобная принципиальность едва ли была бы возможна. Был проведен серьезный конкурс по приему в группу стажеров Большого театра.

Почти два года прошло с момента образования Союза театральных деятелей. Проявлял ли, на ваш взгляд, союз должный интерес к проблемам музыкального театра в течение этого времени или же до сих пор «рука не доходит»?

— Я очень хорошо помню, как организовывался Союз театральных деятелей, — был делегатом учредительного съезда. Тогда попытки музыкального театра как-то приобщиться к делам СГД, в общем, не увенчались успехом. Это и понятно: драматических театров в конце концов просто больше, чем музыкальных. Хотя проблем у нас накопилось не меньше. Однако мы не были правдами необдумательными перемени, происходящих в драматических театрах. Прежде всего музыкальный театр принял активное участие в эксперименте — главным начинаниям СГД.

Но все мы, конечно, с нетерпением ждем предстоящий пленум. Необходим серьезный разговор о состоянии дел в музыкальном театре с учетом его специфических проблем.

— Какие проблемы, связанные со спецификой жанра, по вашему мнению, предстоит в первую очередь решить музыкальному театру? — «Специфичность» не всегда гладко складывающиеся взаимоотношения с публикой ставит перед нами такой вопрос: необходимо ли то большое число оперных театров, каким мы располагаемся? Не целесообразно ли, сделав так, чтобы у нас была одна оперная труппа на каждое государство, может быть, на регион? Это возможно было в каждом театре сосредоточить лучшие антрепренеры, дирижеры, режиссерские силы и тем самым решить проблему качества, а значит, во многом и проблему зрителья.

Артисты оперы и балета по природе своего искусства очень мобильны. С одной-двух репетиций они могут включиться в уже «готовый» спектакль классического репертуара, идущий на сцене другого театра. Для драматического актера подобные «индивидуальные» гастроли представляли куда больше трудностей. У нас же эти трудности созданы искусственно. Невозможно, например, получить разрешение в своем театре, самостоятельно гастролировать с тем коллективом, куда тебя приглашают. Нужно обратиться в Союзконцерт, если речь идет о гастрольях в нашей стране, или в Госконцерт, если о зарубежных, подписать «уйму» бумаг и дожидаться, пока эти не очень-то расторопные посредники «организуют» выступления на другой сцене.

Большинство оперных театров мира давно работает по договорной системе. Мы же не можем пригласить выступить в ряде спектаклей Большого театра не только солистов на других городах, но иной раз даже на Театра имени Станиславского и Невмировича-Данченко. Необходима реорганизация этой системы, причем по всей стране, только так можно обеспечить свободное «перемещение» актеров со сцены на сцену.

Качество оперных спектаклей очень страдает оттого, что зачастую они проходят без репетиций, только со словами. Спекли эти должны быть заменены настоящей серьезной репетицией под оркестр, с дирижером, режиссером, сфурором, со всей бутавоферой, наконец. Конечно, ежедневно перед каждым спектаклем такую репетицию провести не удастся. Но в ряде серий спектаклей — я имею в виду одно и то же название — вполне возможно. Кроме того, в этом случае каждый предыдущий спектакль становится репетицией следующего. В результате постановка сохраняется в хорошем состоянии. Так тоже работает весь мир. Но на наших сценах прокат спектаклей сериями утвердился очень медленно и неуверенно.

Оперный спектакль, помимо пения, «делают» еще дирижер, режиссер и художник. Сценическое и режиссерское решение спектакля порой отталкиваются бедностью фантазии, примитивностью, удручающей неизобретательностью — это общая беда многих наших музыкальных театров. А уж с годами видущими постановками дело и вовсе обстоит на рух колю

ко. Режиссер, который видит спектакль, порой не то что не следит за сохранностью рисунка мизансцены, но, бывает, вообще не «подходит» к артистам.

И, наконец, дирижер. Лицо, управляющее спектаклем. А роль его сведена к минимуму, и опять же не без его «помощи». Можно толкать партию с дирижером и не услышать от него ни одного замечания — я имею в виду замечания не технического, а художнического свойства.

— Многие из того, о чем мы говорили, относятся и к ГАБТУ. Но все-таки, наверное, что также следует из наших же слов, у Большого своя специфика и в сравнении с другими музыкальными театрами?

Проблемы есть много общие. Но следствия «массштабы» Большого театра некоторые не так заметны и значительны, зато другие, напротив, утрированы, выражены.

Большой театр не может, конечно, стать театром со студийным духом, это действительно театр академический в лучшем смысле этого слова, и все же необходимо, что-то более экспериментальное, новое. Почему бы не стать его, например, сцене Ветховенского зила, где можно было бы ставить небольшие оперы. Эксперимент — слово приток свежей крови, он заставляет встряхнуться, побуждает к активному творческому поиску. Но в том-то и беда наша, что мы стали инерты, пассивны. А ведь раньше такие поиски были. Вспомните, например, инцидент самих артистов. Взял, к примеру, «Иоланту» или молодёжную постановку «Юлия Цезаря».

С огромным трудом пробивает себе дорогу провозник А. Н. Лааварса ввести в Большой театр посектанскую оплату труда артистов. А это единственно справедливый и способный стимулировать к работе система оплаты.

— Каким яви в идеале представляется музыкальный театр?

— Я отвечу словами известного итальянского театрального режиссера Джорджо Стрелера, с которым мне приходилось встречаться и даже выходить на сцену в одном спектакле. Слова эти, правда, относятся к итальянскому театру в целом, но только музыкальному. Но они действительно о главном, без чего нет театра — о любви, о музыкальном, и драматическом, и о чем мы, в сипалянии, стали забывать. Рассказывал о том, как соловьям, о знаменитый «Пинкиско театр», Стрелер писал: «Мы жили мечтой о театре как о празднике для всего народа». И еще: «Мы не хотим предлагать зрительно только развлечение или праздное пассивное созерцание: мы любим отдых, а не праздность, праздник, а не непреодолимое «дешевое». Театр — праздник, праздник для всего народа. Вот самая прекрасная цель.

Беседу вел
Н. ШАДРИНА.